

Мирзоева Л.Ю.,
д-р филол. наук,
ассоц. проф.
Университет
имени Сулеймана
Демиреля,
Казахстан

Участник
конференции,
Национального
первенства
по научной аналитике,
Открытого
Европейско-
Азиатского
первенства по
научной аналитике

Анализ языковой специфики пародийного текста представляет особую трудность и интерес как в плане раскрытия его вторичности («пародийный смысл актуализируется в условиях органичного взаимодействия первого и второго планов пародии, выявляющего «несовпадение» идейно-художественных контекстов – пародируемого и пародирующего») [4, с. 14], так и в плане отсылки к определенным, уже существующим речевым произведениям. Для будущих переводчиков такой анализ, по нашему мнению, может послужить, во-первых, своеобразной школой языкового мастерства и подготовкой к деятельности в сфере художественного перевода; во-вторых, позволит применить на практике знания, полученные в ходе изучения курсов «Стилистика» и «Художественный перевод»; и, в-третьих, может стать импульсом для развития критического мышления и аналитического подхода к тексту в целом, выявление подтекстуальной информации, что является частью профессионального «портрета» переводчика. Как указывают М.П. Брандес и В.И. Провоторов, необходимо, чтобы «будущий переводчик усвоил для себя, что он переводит не просто язык текста (т.е. язык, который накладывается на фактуальное, предметное содержание) и не просто текст как фактуальное содержание (т.е. содержание, лишённое внутренней оформленности), а переводит язык, который является результатом информационной переработки фактуального содержания текста, является выражением многократно осмысленного содержания» [2, с. 3]. Широкие возможности для этого

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПАРОДИЙНОГО ТЕКСТА КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

Статья посвящена анализу пародийного текста с позиций лингвостилистики, что представляется необходимым для профессиональной подготовки будущих переводчиков. В работе отражена лингвостилистическая специфика пародии, затронуты как вопросы актуализации фоновых знаний в процессе осуществления художественного перевода, так и проблемы развития критического мышления переводчиков, связанные с предпереводческим исследованием художественного текста.

Ключевые слова: лингвостилистический анализ, художественный перевод, пародия, профессиональные компетенции переводчика, подтекст, стилистические приемы, оценочность, эмотивность, фоновые знания.

The article is devoted to the problems of linguistic analysis due to parody as a very complicated literary text, characterized by such features as implication, emotive potential etc. The author treated the problem as one of the most important aspects of to-be translators training in the sphere of literary translation taking into consideration such factors as critical thinking and background knowledge improvement.

Keywords: linguistic analysis, literary translation, translator's proficiency, parody, implication, stylistic devices, evaluation, emotion, background knowledge.

предоставляются в процессе рассмотрения сатирических и юмористических произведений (в качестве материала для анализа нами избраны чеховские пародии и фрагменты «Истории одного города М.Е. Салтыкова-Щедрина, имеющие пародийный характер»). При работе с пародийным текстом следует учитывать типологическую установку, выраженную М.М. Бахтиным: «Пародийное слово может быть весьма разнообразным. Можно пародировать чужой стиль как стиль; можно пародировать чужую социально-типическую или индивидуально-характерологическую манеру видеть, мыслить, говорить. Далее, пародия может быть более или менее глубокой: можно пародировать и самые глубинные принципы чужого слова» [3, с. 259].

В качестве образца проанализируем рассказ «Случай из судебной практики». В плане композиционных особенностей (особенностей поэтики) перед нами – типичная новелла, краткая, лаконичная и емкая, с характерным неожиданным финалом:

Тут не вынес и сам подсудимый. Пришла и его пора заплакать. Он замигал глазами, заплакал и беспокойно задвигался...

Виноват! – заговорил он, перебивая защитника. – Виноват! Сознаю свою вину! Украд и мошенства строил! Окаянный я человек! Деньги я из сундука взял, а иубу краденую велел свояченице спрятать... Каюсь! Во всем виноват!

И подсудимый рассказал, как было дело. Его осудили.

Пародийному фрагменту предшествует информация, относимая в раз-

ряд содержательно-подтекстуальной [3]; (цель ее – создать определенный эмоциональный настрой, необходимый для последующего восприятия речи. Так, обратим внимание студентов прежде всего на «говорящее» имя подзащитного – *Шельмецов (шельмец – просторечное «мошенник, плут».)* С целью наиболее успешного анализа языковой структуры текста следует заранее подготовить раздаточный материал в виде карточек, включающих дефиниции ключевых слов и понятий, которые необходимо использовать в ходе лингвостилистического анализа, либо соответствующую презентацию. Особое внимание следует уделить понятиям, связанным с тропами и фигурами ораторской речи, таким, как анафора, антитеза, градация, метафора, повтор, период, риторическое восклицание.

Авторская ирония реализована уже в контексте, предворяющем пародийный фрагмент: *«В плохих романах, оканчивающихся полным оправданием героя и аплодисментами публики, он играет не малую роль. В этих романах фамилию его производят от грома, молнии ...»* Значимость деятельности адвоката снижена, во-первых, нарочитой гиперболизацией, и, во-вторых, семантическим сдвигом, актуализирующимся при синтагматическом соположении несочетающихся понятий: *внушительные стихи.*

Сам пародийный фрагмент – речь знаменитого адвоката – характеризуется патетическим настроением, ср.: *Знать его душу – значит знать особый, отдельный мир, полный движений. Я изучил этот мир. Изучая его, я, при-*

знаю, впервые изучил человека. Я понял человека... Каждое движение его души говорит за то, что в своем клиенте я имею честь видеть идеального человека... В то же время в процессе анализа следует подчеркивать неконкретность, расплывчатость, общий характер формулировок, рассчитанных исключительно на эмоциональное воздействие. Предшествующая работа, нацеленная на экспликацию специфики проявления авторской позиции в тексте, в частности, на выявлении неприятия ложной красоты, ложного пафоса, позволяет в процессе анализа данного текста вскрыть заложенную в данном фрагменте авторскую иронию. Так, за характерным для ораторской речи приемом градации, формально отмечаемым в данном текстовом отрезке, практически нет реального усиления (ослабления) признака, то есть нет градации в плане смысла.

Речь адвоката изобилует также риторическими восклицаниями (в частности, «*О, если бы вы посмотрели на этих детей!*», «*Да поглядите же!*» и другими), которые призваны выполнять как мотивную, так и изобразительную функцию (или, во всяком случае, имитировать изобразительность). В пародийный фрагмент искусно введен период как фигура, требующая высокой риторической подготовки оратора («*Они (дети – Л.М.) голодны, потому что их некому кормить, они плачут, потому что они глубоко несчастны...*»); использован и повтор (анафорического характера) как средство выражения эмоциональной оценки, эмоционального воздействия, и одновременно – способ выделения наиболее значимого элемента: «*Его посадили рядом с ворами и убийцами... Его!*» Комизм и пародийная направленность ораторской речи заключается в том, что за пышной формой скрыто полное отсутствие содержательно-фактуальной, содержательно-подтекстуальной и содержательно-концептуальной информации. Повышенная эмоциональность и приподнятость речи, апелляция не к разуму, а к чувству приводят к непредсказуемому, неожиданному финалу: сам того не желая, адвокат затронул совесть своего подзащитного, что и повлекло за собой признание. В процессе анализа речевых особенностей текста следует обратить внимание студентов и на контраст стилистических характеристик речи Сидора Шельмцова и ад-

воката: выпренные фразы последнего противопоставлены в стилистической системе текста разговорной речи первого. «*Украл и мошенства строил! Окаженный я человек!*»

Образцом пародии на ораторскую речь может послужить и рассказ Чехова «Оратор», который также целесообразно проанализировать в аудитории. При рассмотрении данного текста следует обратить внимание на контрастность оценок (высокая степень положительной оценки, отмечаемая в ораторской речи, противопоставлена отрицательно оценочным квалификациям того же персонажа в речи обыденной), а также на четкую стилистическую поляризацию: разговорно-просторечные небрежительные характеристики надгробной речи, данные «извне» (какая-нибудь чепуховина, мантифолия поцицеронистей), вступают в комическое противоречие с ее высоким стилем. Целесообразно акцентировать внимание и на том, что в самом начале текста уже задан контраст как ключевой прием, особенно ярко и выпукло проявляющийся в сочетании с абсурдностью, ср.: «*В одно прекрасное утро хоронили коллежского асессора Кирилла Ивановича Вавилонова, умершего от двух болезней, столь распространенных в нашем отечестве: от злой жены и алкоголизма*». Будущий переводчик должен развивать своеобразную стилистическую зоркость, которая позволит фиксировать и в дальнейшем адекватно воссоздавать в переводе те фрагменты текста, где имеет место соположение разнопорядковых явлений с целью создания комического эффекта и выражения оценки (как правило, негативной).

В процессе анализа следует активизировать знания, полученные студентами при исследовании языковой специфики ораторской речи в рассказе «Случай из судебной практики».

В цикле занятий, имеющих своей целью анализ и осмысление пародийных текстов или фрагментов текста, имеющих пародийную направленность, следует особо остановиться на тех из них, которые требуют активизации фоновых знаний и работают на повышение культуры восприятия языковой структуры художественного произведения. Так, по нашему мнению, благодатным материалом для анализа может послужить «История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина –

произведение, сложное и в плане раскрытия художественной маскировки, и в плане лингвокультурной специфики. Так, в целях активизации фоновых знаний будущих переводчиков следует особое внимание сосредоточить на пародировании зачина «Слова о полку Игореве»: *Боян бо веций, аще кому хотяше песьнь творити, то растекашеся мыслью по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облакы... О Бояне! Соловию старого времени! Абы ты сии полки уцекотал...* (Слово о полку Игореве). / *Не хочу я, подобно Костомарову, серым волком рыскать по земле, ни, поодобно Соловьёву, сизым орлом ширять под облакы, ни, подобно Пытину, растекаться мыслью по древу, но хочу уцекотать прелюбных мне глуповцев, показав миру их славные дела и предобрый тот корень, от которого знаменитое сие древо возросло и ветвями своими всю землю покрыло.*

(М.Е. Салтыков-Щедрин. История одного города.)

В «Истории одного города» мы наблюдаем и скрытое пародирование, заключающееся в аллюзиях, которые связаны с «Повестью временных лет» (ср. хотя бы цитаты *многие за землю свою поревновали – говорит летописец, и таково ласково усмехнулся, словно солнышко просияло, – сопровождающие рассказ о поиске князя, призванного «глуповцами володеть»*).

В данном случае акцентирование внимания на пародийном характере фрагментов и на их языковой специфике (имитации древнерусского текста и пр.) служит своеобразным ключом к интерпретации всего произведения как сатиры на историю российской монархии. Облегчить восприятие произведения может и своевременное указание на создание языкового колорита XVIII века (сложность художественной маскировки, предпринятой М.Е. Салтыковым-Щедриным, заключается и в том, что «История одного города» выдавалась им за издание найденных в архиве тетрадей летописцев XVIII в.) Следует особо остановиться и на пародировании особенностей деловой речи («Опись» градоначальников, указы и пр.) М.Е. Салтыков-Щедрин достиг здесь своеобразного сочетания: с одной стороны, перед нами наполнение языковой формы – характерных лексических и синтаксических особенностей языка

XVIII в. (старославянизмов, специфического порядка слов), мастерски воспроизведенных писателем – чуждым ей содержанием; с другой стороны – пародирование официально-делового стиля, причем также соотносимого по своей языковой специфике XVIII в.: *Клементий, Амадей Мануйлович. Вывезен из Италии Бироном, герцогом Курляндским, за искусную стряпню макарон; потом, будучи внезапно произведен в надлежащий чин, прислан градоначальником. Прибыв в Глухов, не только не оставил занятия макаронами, но даже многих усильно к тому принуждал, чем себя и воспрославил. За измену бит в 1734 году кнутом, и, по вырвании ноздрей, сослан в Березов. Несоответствие языковой формы и содержания подчеркнуто постоянным упоминанием комичных и нелепых причинах смерти градоначальников, которые также сформулированы в виде характерных клише, штампов, характерных для официально-делового стиля. *Ферапонтов, Фотий Петрович, бригадир. Бывший брадобрей оного же герцога Курляндского. Многократно делал походы против недоимщиков и столь был охоч до зрелищ, что никому без себя сечь не доверял. В 1738 году, быв в лесу, растерзан собаками. ... Ламврокакис, беглый грек, без имени и отчества и даже без чина, пойманный графом Кирилою Разумовским в Нежине, на базаре. Торговал греческим мылом, губкою и орехами; сверх того, был сторонником классического образования. В 1756 г. был найден в постели, заеденный клопами. ...Иванов, статский советник, Никодим Осипович. Был столь малого роста, что не мог вмещать пространных законов. Умер в 1819 году от натуги, усиливаясь постичь некоторый сенатский указ.* Пародийный характер фрагмента усилен иллюзией реальности описываемых событий: писатель упоминает реальных исторических деятелей, ссылается на реальные ситуации, гротескно заостренные.*

Несмотря на то, что официально-деловой стиль (точнее, пародия на него) имеет в «Истории одного города» нарочито архаичный характер, знакомство с пародией на деловые документы, и в особенности – на законодательные акты, несомненно, представляет интерес для будущих переводчиков в плане

профессиональном, т.к. одно из возможных направлений их будущей работы – перевод деловой документации. Остановимся вначале на пародийном характере заглавий, предваряющих созданные глумовскими градоначальниками документы и служащих ключом к осмыслению пародийного характера описания законотворческой деятельности в городе Глупове.

- Указ о нестеснении градоначальников законами.
- Устав о добропорядочном пирогах печении
- О благовидной всех градоначальников наружности.
- Устав о свойственном градоправителю добросердечии.
- Устав о неуклонном сечении.

О вياщем армии и флотов по всему лицу распространении, дабы через то возвращение древней Византии под сень Российской державы уповательным учинить.

Специфика данных заглавий уже дает представление об особенностях официально-делового стиля: в каждом из них отмечаем отвлеченные слова, обращаем внимание на характерный синтаксис заголовочных структур – предпочтение конструкций «О+предложный падеж существительного». Комический (точнее – пародийный) эффект создается несоответствием формы и содержания (ср. хотя бы парадоксальную формулировку – «*Указ о нестеснении градоначальников законами*»).

При рассмотрении «Истории одного города» в этом аспекте целесообразным представляется также обращение к пародийному «Уставу», автор которого – градоначальник Беневоленский. Прочтение данного текста необходимо сопровождать лексическим комментарием; особо следует остановиться на словах устаревших, указать, что таковыми они являлись уже и во время написания «Истории одного города», определить их функции в тексте (стилизация под рукопись XVIII века в целях художественной маскировки и в то же время – использование архаичности этих лексических единиц в целях придания тексту торжественности) В процессе анализа акцентируем внимание и на том, что данный фрагмент также имеет пародийную направленность: такие особенности официально-делового стиля, как обилие отвлеченных

существительных (строгость, авантаж, прибыль, занятие, осмотрительность, отдохновение, расточение и пр.), насыщенность текста сложными словами (мимойдущий, градоправитель, кровопролитие и пр.) доведены до абсурда; кроме того, «чужое слово» – в данном случае – деловой документ – подчеркнуто бессодержателен, так как призван в завуалированной форме сообщить читателю о бюрократизации всех сфер жизни в современной Салтыкову-Щедрину России. Отметим хотя бы милостивое разрешение обывателю «отдохновение (не отдых – Л.М.) иметь», а также предписание не наказывать, в т.ч. – на съезжей гуляющего обывателя. Пародирует писатель и синтаксические структуры деловой речи; так, в приведенном «документе» налицо преобладание характерных для данной речевой сферы инфинитивных предложений. Мастерство сатирика заключается именно в том, что пародируются особенности языкового инвентаря целого стиля, т.е. «схемы формы, которую находит не отдельный человек, а создает целое поколение, причем отдельный, принадлежащий к этому поколению человек, уже включен в поиски такой формы» [2, с. 47].

В завершение хотелось бы отметить, что анализ приведенных текстов призван не просто развить языковое и стилистическое «чутье» будущих переводчиков, выработать определенные навыки восприятия художественного текста (в особенности – довольно сложного в содержательном и формальном плане текста пародийного), но и сформировать хотя бы общее понятие об особенностях ораторской и официально-деловой речи.

Литература:

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. – М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.
2. Брандес М.П., Провоторов В.И. Предпереводческий анализ текста (для институтов и факультетов иностранных языков): Учеб пособие. - 3-е изд., стереотип. - М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001.- 224с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: УРСС Эдиториал, 2006. – 144 с.
4. Крутова Е.Ю. Вертикальный контекст и формы его реализации в пародийном тексте. Автореф. канд. дисс. – Алматы, 1998. – 28 с.